

Солодилова Ирина Анатольевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
solodilovaira16@gmail.com

Ирония и эвфемия в аспекте когнитивных механизмов фокусирования и перспективизации. Часть 1: Особенности проявления и конфигурации механизмов

Аннотация

Целью настоящей статьи было выявление особенностей механизмов фокусирования и перспективизации, действующих в иронии и эвфемии как процессах повторного наименования. Исходной точкой исследования является идея языкового конструирования мира и процессы повторного наименования как служащие созданию нового образа референта уже существующего в языке имени. Материалом для исследования послужили 59 иронических и эвфемистических выражений, к которым применялись метод словарных дефиниций и корпусной метод. В результате выявлено, что, несмотря на отнесённость к одному типу номинации, названные языковые единицы проявляют существенные функциональные различия, объяснение причин которых даётся через обращение к когнитивным механизмам фокусирования и перспективизации как действующих во всех процессах повторной номинации. Рассмотрение в данном ключе позволило выявить особенности проявления названных механизмов в эвфемии и иронии. Если в первом явлении механизмы перефокусирования и дефокусирования (как варианты фокусирования) лежат на поверхности при скрытом характере перспективизации, то во втором перспектива говорящего является явной, а перефокусирование – «ложным». Следствием этого является наличие в эвфемистической номинации двух фокусов – идентифицирующего как лежащего на поверхности и характеризующего как завуалированного, скрытого от реципиента. В иронических выражениях имеется лишь один фокус – характеризующий.

Ключевые слова: повторная номинация, фокусирование, перспективизация, ирония, эвфемизм, когнитивный механизм идентифицирующий фокус, характеризующий фокус

© Солодилова И. А. 2025

Для цитирования: Солодилова И. А. Ирония и эвфемия в аспекте когнитивных механизмов фокусирования и перспективизации. Часть 1: Особенности проявления и конфигурации механизмов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 2. С. 127–142. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-127>

Irina A. Solodilova
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
solodilovaira16@gmail.com

Irony and euphemisms in terms of focusing and perspective mechanisms. Part 1: Features of manifestation and configuration of mechanisms

Abstract

The paper aims at identifying the features of focusing (focalization) and perspectivization operating in irony and euphemism as processes of re-naming. The starting point of the study is the idea of linguistic construction of the world and the processes of re-naming that serve to create a new image of the referent of a name already existing

in the language. 59 ironic and euphemistic expressions were selected as the material for this study and were further processed using dictionary entry analysis and the corpus method. The results indicate that despite being classified as one type of nomination, these language units exhibit significant functional differences whose reasons are explained by referring to the cognitive mechanisms of focusing (focalization) and perspectivization that operate in all processes of repeated nomination. The adopted approach enabled to identify the features of these mechanisms operating in euphemism and irony. In the former the mechanisms of refocusing and defocusing (as variants of focusing) lie on the surface with the hidden nature of perspectivization while in the latter the speaker's perspective is explicit and refocusing is "false". All these results in two focuses present in euphemistic nomination – the identifying as lying on the surface and the characterizing as hidden from the recipient. Meanwhile, in ironic expressions the only focus is the characterizing one.

Keywords: repeated nomination, focusing, perspectivization, irony, euphemism, cognitive mechanism, identifying focus, characterizing focus

© Solodilova I. A. 2025

For citation: Solodilova, I. A. (2025). Ironiya i evfemiya v aspekte kognitivnykh mekhanizmov fokusirovaniya i perspektivizatsii. Chast' 1: Osobennosti proyavleniya i konfiguratsii mekhanizmov [Irony and euphemisms in terms of focusing and perspective mechanisms. Part 1: Features of manifestation and configuration of mechanisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (2), 127–142. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-127>

1. Введение [Introduction]

Ирония и эвфемия в языке относятся к категориям, которые были выделены как объекты изучения уже античной наукой. Научный интерес к ним сегодня обусловлен, в том числе, их способностью быстро реагировать на изменения в ценностных аспектах картины мира человека и социума, в ценностной картине мира в целом, а также являть собой яркие примеры словотворчества.

Особой формой взаимодействия явлений иронии и эвфемии стали иронические эвфемизмы – явление, известное сегодня во многих языках (см., напр., [Коромысленко, 2015; Сеничкина, Никитина, 2007]), но мало исследованное с точки зрения его лингвокогнитивной природы, выявление которой позволило бы объяснить возможность взаимодействия этих явлений и функционирования в новом (эмёрджентном) статусе.

Ранее нами уже предпринимались попытки рассмотрения названных явлений в лингвокогнитивной перспективе, в частности иронии как лингво-дискурсивного явления, рождаемого на основе некогерентности двух типов знания, а эвфемизмов как продуктов концептуальной деривации [Солодилова, 2018, 2019, 2023]. Развитие этого подхода видится в рассмотрении иронии и эвфемии через призму механизмов фокусирования и перспективизации, признаваемых нами основополагающими во всех процессах повторной номинации.

Г л о т е з а предпринятого исследования заключается в том, что механизмы фокусирования и перспективизации, имеют в иронии и эвфемии свою специфику, касающуюся их конфигурации в процессах повторного именованя. Ц е л ь настоящего исследования состоит, соответственно, в изучении особенностей действия механизмов фокусирования и перспективизации в процессах образования иронических и эвфемистических единиц. Указанные явления предлагается рассмотреть в аспекте идеи языкового конструирования мира, в рамках механизмов фокусирования и перспективизации, что, по нашему мнению, позволит выявить особенности когнитивных процессов, лежащих в основе образования иронических и эвфемистических единиц как языковых знаков повторной номинации и их коммуникативно-прагматические возможности.

Одним из постулатов когнитивного подхода к изучению языка и языковых явлений является признание того, что языковые единицы никак не отражают своими значениями объективный мир, мир «за окном» познанного нами. Вся языковая семантика от служебных единиц до функционально-понятийных категорий представляет собой результат интерпретативного познания человеком окружающего мира и их (языковых единиц и категорий) функционального взаимодействия на синтагматическом и парадигматическом уровнях. Иными словами, язык репрезентирует структуры знания, которые рождаются как продукты субъективного (принадлежащего субъекту) осмысления мира. Находя свою объективацию в языке, ментальные структуры с неизбежностью подвергаются языковой «деформации» в речевых процессах референции и предикации. В этой перспективе рассмотрения взаимодействия языка и внеязыковой среды принято говорить о языковом конструировании мира, в смысле идеи «человек живёт в мире, творимом им самим» [Ирисханова, 2014, с. 25].

Актуальной тенденцией в развитии идеи языкового конструирования является смещение внимания с концептуализируемого объекта (внеязыковой среды) на субъекта этого процесса – человека, располагающего арсеналом языковых средств для концептуализации или изображения некоторой ситуации [Langacker, 1987 ; Taylor, 1995] и реализующего роль творца самим выбором этих средств. С этих позиций язык есть «когнитивная деятельность, не только направленная на хранение в долговременной памяти концептов и более сложных когнитивных структур в соответствующих языковых упаковках, но и обеспечивающая творческий процесс частичной или полной активизации языковых выражений и текстов [Ирисханова, 2014, с. 26].

Способность языка к вариативной номинации, обеспечивающей возможность выделения различных свойств номинируемого объекта, проявляется на всех его уровнях. Вариативность в лексике – это один из наиболее явных способов выразить собственное видение изображаемой ситуации. Синонимы (в узком смысле), перифраз, метафорическая и метонимическая замены, эвфемизмы, ироническая номинация и другие языковые средства предоставляют говорящему возможность сместить фокус внимания слушающего на то свойство или качество объекта, которое для него в данный момент коммуникации является прагматически значимым.

Появление терминов «фокус», «фокусирование» и связанных с ними «селективность» и «салиентность» в лингвистических исследованиях обусловлено общим «психологизмом» когнитивной науки и последующим переходом лингвистики на когнитивные основания. Изначально понятие фокусирования в лингвистике использовалось для описания механизмов распределения информации в предложении (тема-рематическое деление) [Deane, 1992 ; Kuno, 1976 ; Silverstein, 1981 ; Talmy, 1975]), затем и для объяснения своеобразия номинативных процессов, завершающих процессы концептуализации [Langacker, 2008], т. е. уже на лексическом уровне. В этой перспективе рассмотрения и в настоящем исследовании фокусирование понимается, с одной стороны, как когнитивный механизм высвечивания некоторых признаков объекта путём помещения их в фокус внимания наблюдателя в процессе означивания (конструкции) мира [Langacker, 1992 ; Talmy, 1975], а с другой, – как процесс приписывания лексической единицей некоторого свойства (признака) объекту номинации как семантически и / или прагматически значимого и помещения его в фокус внимания наблюдателя-реципиента. Иными словами, фокусирование рассматривается как механизм, действующий и в процессе номинирования объекта (перевода его в статус референта и придания ему семиотической значимости), и в процессе интерпретации имени референта и его семиотической значимости.

Понятие п е р с п е к т и в и з а ц и и, функционирующее в когнитивной лингвистике сегодня в одной проблемной области с понятием фокусирования, имеет,

несмотря на их общую теоретическую основу и множественные пересечения в зоне интерпретации, значимые отличительные характеристики, определившие сосуществование терминов. Объясняется это спецификой вектора научных исследований, сформировавшегося уже в момент введения термина «перспективизация» в лингвистическую науку: с изучением экспликативных и имплицативных средств создания перспективы в речевом акте, тексте и дискурсе [Остин, 1986 ; Searle, 1971 ; Дейк, 1989 ; Падучева, 1975], с изучением субъектности концептуального содержания языкового выражения [Langacker, 1987], с введением категории наблюдателя [Апресян, 1995 ; Верхогурова, 2008 ; Матурана, 2001 ; Падучева, 2000] и прагматических переменных речевого акта [Кибрик, 1992 ; Филлмор, 1997].

Содержание понятия перспективизации в современных лингвистических исследованиях неразрывно связано с категорией наблюдателя и его перспективой. Иными словами, перспективизация в языке есть когнитивный механизм, запускаемый «точкой обзора» наблюдателя (см. [Kuno, 1976]), той перспективой, которая открывается ему как субъекту речетворчества (и в аспекте порождения, и в аспекте восприятия речи).

И фокусирование, и перспективизация как когнитивные механизмы концептуализации в языке (языкового конструирования) предполагают наличие субъекта концептуализации – *homo loquens* – и указывают тем самым на субъективность знаний и представлений человека о мире, закреплённых в том числе языковыми значениями [Ирисханова, 2014, с. 50]. Но если понятие фокусирования предполагает, скорее, естественную способность человека выделять наиболее важные для себя свойства объекта познания, то понятие перспективизации переносит акцент на фактор «взаимной координации говорящих относительно друг друга и референтной ситуации» [Палагина, 2018, с. 181]. Значимыми факторами, определяющими суть процесса перспективизации в языковой концептуализации являются, во-первых, индивидуальные (субъектные) параметры той позиции, из которой наблюдается ситуация и осуществляется дальнейшее конструирование объекта номинации, и, во-вторых, взаимная координация говорящих и референтной ситуации (у Р. Лэнекера: *viewers* и *situation being viewed*) [Ирисханова, 2014, с. 52 ; Палагина, 2018, с. 181 ; Langacker, 2008, с. 55–90].

В поле нашего исследовательского интереса находятся иронические и эвфемистические выражения. Первые понимаются как языковые единицы, системно-языковое значение которых противоположно (антонимично) характеристике некоторого состояния дел (зд.: широко: объекта, события, отношения и пр.), подлежащей номинации, вторые – как обозначения некоторого состояния дел посредством называния признака (свойства), нивелирующего его (состояния) негативное восприятие.

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с процессом не прямой, повторной номинации и его результатами, т. е. акцент ставится не на вторичном использовании языкового средства (семасиологический аспект номинации), а на создании нового знака для референта, уже имеющего в языке своё обозначение (ономасиологический аспект номинации). Вторичность номинации понимается как процесс, реализуемый и на когнитивном уровне, и в языке, результатом которого становится вторичный образ референта и его экспликация языковыми средствами. Такое понимание не прямой номинации (широко представленное, в частности, в диссертационном исследовании [Киосе, 2015]) позволяет охватить «все три плоскости наименования – онтологическую (референциальную), познавательную (когнитивную) и языковую (лингвистическую)» [Там же, с. 22].

Исходя из такой постановки проблемы и цели исследования ставятся следующие задачи:

- 1) рассмотреть представленное в лингвокогнитивных исследованиях описание механизмов фокусирования и перспективизации;

2) рассмотреть процессы иронической и эвфемистической номинации в аспекте механизмов фокусирования и перспективизации;

3) проследить на конкретных примерах особенности реализации механизмов фокусирования и перспективизации в процессах образования эвфемистических и иронических единиц.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Исследование проведено на материале немецкого языка. Выбор материала исследования определялся сущностными особенностями эвфемистических и иронических выражений. Для изучения процессов э в ф е м и з а ц и и преимущественный интерес имел публицистический дискурс как сфера функционирования политических, экономических, социальных эвфемизмов, активно функционирующих и, соответственно, обновляемых в языке. Регулярное использование новых номинаций в языке, в том числе эвфемизмов, ведёт, как правило, к их узуальному и конвенциональному закреплению в языке. Исходя из этого, в качестве источника материала исследования особенностей процесса эвфемизации использовался Цифровой словарь немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache – <http://www.dwds.de>) и представленные на его платформе корпусные данные Берлинско-Бранденбургской Академии наук. Поиск эвфемизмов осуществлялся через их антецеденты.

На первом этапе на основе анализа интернет-источников был определён список негативных социальных и политических явлений Германии и обозначающих их слов и выражений ([<https://interaktiv.morgenpost.de/probleme-bundestagswahl-2017/>; https://de.wikipedia.org/wiki/Soziale_Probleme; <https://ahaslides.com/de/blog/social-issue-examples>] и др.).

В результате было получено 35 наименований, среди которых встретились, например, *Arbeitslosigkeit* 'безработица', *Armut* 'бедность', *Auslandshass* 'ненависть к иностранцам', *Krieg* 'война', *Terrorist* 'террорист', *Atomwaffen* 'атомное оружие', *chemische Verseuchung* 'химическое загрязнение', *chemischer Abfall* 'химические отходы', *psychische Erkrankungen* 'психические заболевания' и др.

На втором этапе в словаре dwds.de был организован поиск словарных статей лексических единиц (далее – ЛЕ) составленного списка с последующим выявлением их синонимов и наиболее употребительных словосочетаний (*typische Verbindungen*). Выявление эвфемистических выражений среди синонимических осуществлялось через указание в словарных статьях соответствующей пометы – *verhüllend* и с помощью анализа контекстуального употребления при отсутствии пометы. Приведём пример поиска.

Анализ словарной статьи ЛЕ *Atomwaffe* 'атомное оружие' [<https://www.dwds.de/wb/Atomwaffe>] позволил установить в качестве одного из значений «Nuklearwaffe, nukleare Waffe 'ядерное оружие'». Анализ словарной статьи ЛЕ *nuklear* 'ядерный' выявил в качестве самого употребительного с ним словосочетание *nukleare Abschreckung* 'ядерное отпугивание' [<https://www.dwds.de/wb/nuklear>]. Анализ семантики ЛЕ *Abschreckung* позволил установить наличие в её семантической структуре производного значения (2), описание которого даёт основание говорить о выполнении существительным *Abschreckung*, в том числе, в сочетании с прилагательным *nukleare* эвфемистической функции: «2. [Politik, Militär] der Verhinderung von Krieg dienende Strategie, die darauf abzielt, eine feindliche Macht durch Androhung eines massiven, eskalierenden Gegenschlags (unter Einsatz von Massenvernichtungswaffen) von einem Angriff abzuhalten» [<https://www.dwds.de/wb/Abschreckung>].

www.dwds.de/wb/Abschreckung] '[политика, армия] служащая предотвращению войны стратегия, нацеленная на то, чтобы сдерживать враждебную силу с помощью угрозы массового, быстрого ответного удара (при использовании средств массового поражения)'.¹

Реализация эвфемистической семантики ЛЕ исследовалась на текстовых фрагментах, отобранных методом сплошной выборки из корпуса данных на платформе dwds.de. Особенности и р о н и ч е с к и х в ы р а ж е н и й обусловили иной подход к выбору языкового материала для их изучения.

Исследовательский корпус иронических выражений составили языковые единицы, относящиеся к прототипическому¹ типу иронии, к которому мы относим выражения, смысловое содержание которых интерпретируется по принципу «от противного»: их позициональная структура содержит положительную оценку, выражаемую на семантическом уровне оценочными предикатами (напр., «Хорош герой! Ну ты и умён» и т. п.), т. е. речь идёт об иронии в её классическом толковании как риторической фигуры речи.

Прототипические иронические выражения в силу неосложнённости их смысловой структуры дискурсивной семантикой обеспечивают возможность детального рассмотрения иронии как процесса повторной номинации и действие механизмов фокусирования и перспективизации.

Иронические высказывания прототипического характера остаются, тем не менее, верны своей природе и представляют собой выражения, как правило, создаваемые *ad hoc*, т. е. здесь и сейчас для коммуникативных целей. Иными словами, отличие их от эвфемистических заключается в том, что они за редкими исключениями являются производимыми, а не воспроизводимыми, что достаточно широко представлено в эвфемистической номинации. Это обстоятельство предопределило в качестве материала исследования тексты художественной литературы, которые содержательно часто связаны с изображением коммуникативных ситуаций из повседневной жизни человека, в которых ирония является одним из актуальных средств выражения авторского намерения. Анализ текстов немецкоязычной художественной литературы позволил выделить для последующего анализа 24 иронических выражения прототипического характера.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Фокусирование и перспективизация в эвфемистической номинации [Focusing and perspectivization in the euphemistic nomination]

Эвфемизмы представляют собой лексические и фразеологические единицы, функция которых в использовании их в качестве языковых знаков – номинаций объектов, явлений, их признаков и т. д. В основе процесса номинирования лежит общий для любой номинации механизм выделения признака объекта, значимого для номинирующего субъекта, в категориях когнитивного подхода – механизм фокусирования (салиентности). Иными словами, на поверхностном уровне языкового функционирования речь идёт об идентификации некоторого объекта действительности, т. е. о выделении его из массы объектов через указание на один из его признаков.

Суть эвфемистической номинации, однако, гораздо сложнее, что обусловлено её ярко выраженной прагматической функцией – необходимостью представить объект номинации в ином – более «корректном» для коммуникативной ситуации виде. Обратимся к конкретным языковым единицам – эвфемизмам немецкого языка, сферой употребления которых является газетно-публицистический дискурс.

¹Прототипическим ироническим выражениям противостоят иронические высказывания непрототипического характера, представляющие собой сверхфразовые единства, семантическое пространство которых включает в себя не только языковой и ситуативный (контекстуальный) уровень, но и более широкий – дискурсивный, обусловливающий включение в процессы смыслообразования интертекстуальных связей и других дискурсивных факторов.

Существительное *Chemiepark* 'химический парк' является эвфемистической заменой выражения *Abladeplatz für Chemikalien* 'место складирования, свалки химикатов'. В паре *Chemiepark – Abladeplatz für Chemikalien* вторая номинация базируется на выделении признаков, онтологически относящихся к физическим свойствам объекта номинации: «площадка», «свалка», «складирование», «химикаты», «химические отходы». Данные признаки формируют образ референта имени, который определяется в соответствующем социуме как стигматичный, т. е. имеющий отрицательные, не приемлемые для ценностной системы социума характеристики. Это обстоятельство приводит к потребности в замене существующего имени на иное, которое, тем не менее, должно актуализировать с у щ е с т в у ю щ и е признаки объекта, т. е. сохранять связь с денотатом (иначе речь будет идти не об эвфемистической замене, а об искажении истины).

Имя *Chemiepark* актуализирует совершенно иные признаки, которые становятся концептуальными элементами для создания нового образа референта: «большая, созданная человеком для определённых нужд территория» (*Park – «größere [einer natürlichen Landschaft ähnliche] Anlage»*) [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Park>] и «принадлежащий химии». Данные признаки не связаны с какой-либо оценкой, являются нейтральными. Более того, существительное *Park* рождает, скорее, положительный образ. Фокусирование на совершенно иных признаках объекта, которые воспринимаются позитивно в социуме, и закрепление их в новом имени ведёт к выведению из уже существующего представления негативно воспринимаемых характеристик, к их дефокусированию. Это обеспечивает ЛЕ *Chemiepark* возможность выполнения эвфемистической функции: процесс замещения стигматичной единицы является, как известно, завершённым в том случае, когда эвфемизм полностью камуфлирует все отрицательные ассоциации со стигматично-некорректным антецедентом. Приведём пример употребления ЛЕ *Chemiepark* в эвфемистическом значении.

(1) *Niemand mag daran denken, was passieren könnte, wenn der Chemiepark überflutet wird oder welche Wirkung diese Flut auf die Giftblase im Boden hat* [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Chemiepark>] – 'Никто не хочет думать о том, что может случиться, если **химический парк** (полигон химических отходов) будет затоплен или о том, какое действие затопление окажет на пузырь (ёмкость) с ядами' (Здесь и далее перевод мой – И. С.).

Существительное *Abschreckungsmittel* (букв.: 'средство для отпугивания') в словосочетании *nukleare* 'ядерный' / *atomare* 'атомный' *Abschreckungsmittel* употребляется сегодня в эвфемистической функции вместо конвенционального *Atomwaffen* 'атомное оружие'. ЛЕ *Atomwaffen* осуществляет номинативную функцию путём выделения в референте двух признаков – «оружие» и «атомный», которые отражают суть объекта номинации. Образ референта этого имени на протяжении долгого времени его употребления в немецком языке приобретал всё больше и больше отрицательных признаков, когерентных содержательным элементам соответствующего концепта, что в итоге привело к его стигматичности. В результате возникла острая необходимость в повторной номинации, прежде всего в случаях сохранения положительного имиджа субъекта, обладающего атомным оружием.

Таким образом возникает ситуация, в которой субъект номинации имеет дело с референтом, для которого ему необходимо сконструировать новый образ. Движение от референта имени, уже существующего в языке, к новому имени осуществляется с помощью механизма смены фокуса или перефокусировки. Этот процесс заключается в выдвигании в фокус внимания иного, нежели в образе референта пря-

мой² (существующей в настоящий момент) номинации, признака и закреплении его в соответствующей ЛЕ. Фокусирование на новом признаке в случае эвфемизмов есть всегда процесс осознанный, требующий активного поиска в структуре образа референта существующей (и подлежащей замене) номинации некоего признака, закрепление которого в новом имени приведёт к созданию совершенно иного образа, «не отягощённого» отрицательными оценками и ассоциациями. Таким стало словосочетание *nukleare / atomare Abschreckungsmittel* 'ядерное средство защиты', фокусирующее актом номинации внимание реципиента на иных признаках объекта: «средство» (Mittel), «отпугивающий» (Abschreckung), «ядерный» (nuklear, atomar). Прилагательные *nuklear* и *atomar* используются с целью более чёткой идентификации средства, т. к. существительное *Abschreckungsmittel* имеет широкий референциальный объём (любое средство, призванное отпугнуть).

Успешность эвфемистической замены определяется тем, что новое имя «удалило» из образа референта самые «страшные» признаки, ассоциирующиеся в сознании носителей языка со смертельным воздействием, уничтожающим жизнь. Следует также отметить, что существительное *Abschreckungsmittel* является относительно новым в немецком языке. Онлайн словари Дуден (duden.de) и Цифровой словарь немецкого языка (dwds.de) регистрируют эту ЛЕ, но или не дают её значение вообще, как DWDS [<https://www.dwds.de/wb/Abschreckungsmittel>] или объясняют с помощью трансформационного метода, как DUDEN, однако этот метод большей частью малоинформативен: «Abschreckungsmittel – Mittel zum Abschrecken» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Abschreckungsmittel>] 'отпугивающее средство – средство для отпугивания'. Этот факт позволяет говорить об актуальности нового образа референта, о неподверженности его процессам стигматизации, а самого имени – пейорации. Приведём несколько примеров употребления данного эвфемизма.

(2) *Im Jahre 2003 gelangte ein internes Strategiepapier an die Öffentlichkeit, das drei Möglichkeiten für die saudisch-arabische Regierung aufzählte: ein nukleares Abschreckungsmittel zu kaufen, ein Bündnis einzugehen und von einer bereits vorhandenen Nuklearnation geschützt zu werden oder zu versuchen, die Vereinbarung über eine atomwaffenfreie Zone im Nahen Osten zu erfüllen* (Die freie Enzyklopädie, 03. 04.2024) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Abschreckungsmittel>] – 'В 2003 году достоянием общественности стал внутренний стратегический документ, в котором были названы три возможности для правительства Саудовской Аравии: купить **ядерное средство защиты**, заключить союз и получить защиту у одной из ядерных держав, выполнить соглашение о свободной от ядерного оружия зоне'.

(3) *Die USA sollten nicht einmal von dem Fall träumen, dass die Demokratische Volksrepublik Korea ihre nuklearen Abschreckungsmittel abbaut, bevor sie Leichtwasserreaktoren zur Verfügung stellen, heißt es in einer in krausem Englisch formulierten Meldung der offiziellen Zentralen Koreanischen Nachrichtenagentur* (Berliner Zeitung, 21.09.2005) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Abschreckungsmittel>] – 'США не стоит и мечтать о том, что Корейская Народно-Демократическая Республика уничтожит свои **атомные средства защиты** прежде, чем они (США) предоставят в распоряжение легководные реакторы, – значит в одном сформулированном на витиеватом английском сообщении официального новостного агентства Кореи'.

²Понятия, подвергаемые эвфемизации, испытывают изменения в отношении между содержанием понятия и акустическим образом гораздо чаще других, получая новое имя на протяжении относительно небольшого по протяжённости отрезку времени. Ср. в немецком языке обозначения физической полноты: *dick, korpulent, vollschlank, beleibt, wohlbeleibt, kompakt*. Соответственно, антецедент, подлежащий замене, далеко не всегда является с точки зрения механизма номинации прямым наименованием.

Анализ семантической структуры эвфемизмов и их употребление демонстрирует, что в основе повторной – эвфемистической – номинации лежит механизм перефокусирования с одного признака образа референта на другой. При этом процесс перефокусирования сопровождается процессом дефокусирования – затушёвыванием центрального элемента исходного образа референта: *Chemiepark* устраняет имеющийся в образе antecedента признак «место для свалки химикалий», *nukleare / atomare Abschreckungsmittel* – признак «оружие».

В этом случае в когнитивной лингвистике принято говорить о дефокусировании, под которым понимается «изменение фокуса внимания говорящих / носителей языка, приводящее к понижению степени выделенности определённых элементов конструируемой ситуации или объекта» [Ирисханова, 2010, с. 78]. В процессах эвфемизации дефокусирование имеет особую значимость, которая состоит в «выведении из поля зрения говорящего тех свойств класса объектов, которые в онтологическом плане изначально относились к его существенным свойствам» [Там же].

Движение от имени (языкового знака) к представлению (конструкции) образа референта осуществляется путём высвечивания нового признака и создания на его основе нового образа: «если имя, денотируя объект, обозначает некоторый признак, мысль стремится обнаружить его в носителе имени – референте» [Арутюнова, 1977 а, с. 192]. Таким образом, можно утверждать, что механизмы фокусирования на «нужном» признаке и дефокусирования «ненужного» являются центральными в процессе эвфемистической номинации.

Лежащие в целом на поверхности концептуально-языкового взаимодействия механизмы пере- и дефокусирования не исчерпывают, на наш взгляд, всю суть эвфемизации. Она определяется также механизмом перспективизации, который в силу скрытого характера прагматических факторов лежит глубже и требует для своей экспликации обращения к дискурсивным параметрам процесса номинации, в частности социокультурным. Социолингвистическая детерминированность эвфемизмов объясняется тем, что их формирование всегда протекает под воздействием социальных условий и условностей, которые, в свою очередь, утверждаются культурой и её нормами в обществе (приемлемость / неприемлемость, корректность / некорректность, пристойность / непристойность слова и выражения). Иными словами, процесс создания эвфемистической замены инициируется оценкой (социума или отдельного человека) определённых явлений как негативных и желанием заменить конфликтную ситуацию на бесконфликтную.

Рассмотрим действие процесса перспективизации на двух эвфемистических выражениях, относящихся к разным коммуникативным сферам: *Beschäftigungskrise* 'кризис занятости' и *Psychiatrieerfahrung haben* 'иметь психиатрический опыт'.

Существительное *Beschäftigungskrise* является эвфемизмом давно используемого в немецком языке существительного *Arbeitslosigkeit* 'безработица' и употребляется преимущественно в экономическом дискурсе.

(4) *Die erfolgreiche Überwindung der Beschäftigungskrise ist eine der größten Herausforderungen, denen sich die Regierung gegenübersteht* (Deutscher Bundestag: Drucksache №. 18/7131 vom 18-12-2015, S. 17). [<https://www.dwds.de/r/?corpus=dwdsxl&q=Beschäftigungskrise>] – 'Успешное преодоление кризиса занятости является одним из самых больших вызовов, с которым сталкивается правительство'.

Выражение *Psychiatrieerfahrung haben* является эвфемистической заменой выражения *psychisch krank sein* 'быть психически больным' и используется, как правило, в медицинском дискурсе (данное выражение не содержится ни в словаре [dwds.de](https://www.dwds.de), ни в его корпусных данных, но мы находим его в текстах, представленных на сайтах медицинских учреждений, в частности на сайте университетской клиники г. Ульм [<https://www.uniklinik-ulm.de/psychiatrie-und-psychotherapie-ii/arbeitsgruppe-qualitative->

sozialforschung/evio.html] и на онлайн странице немецкой газеты Тагесцайтунг (Tageszeitung – taz.de, 29.11.2022):

(5) *Menschen mit Psychiatrieerfahrung haben im Vergleich zur Allgemeinbevölkerung ein deutlich höheres Risiko, im Laufe ihres Lebens körperliche und/oder sexualisierte Gewalt in ihrem sozialen Lebensumfeld zu erleben* [<https://www.uniklinik-ulm.de/psychiatrie-und-psychotherapie-ii/arbeitsgruppe-qualitative-sozialforschung/evio.html>] – 'Люди, имеющие **психиатрический опыт**, подвергаются по сравнению с обычным населением отчётливо более высокому риску, на протяжении жизни они переживают в своём социуме физическое и / или сексуальное насилие'.

(6) *Also zum Beispiel Menschen, die Psychiatrieerfahrung haben, die sich aufgrund ihres Drogenkonsums beraten lassen, Therapieangebote in Anspruch nehmen* [<https://taz.de/Suchthilfe-und-Psychiatrie-in-Bremen/!5897867/>] – 'Например, люди, имеющие психиатрический опыт и обращающиеся за консультацией в связи с употреблением наркотиков, прибегают к терапевтическим предложениям'.

И в том, и в другом случае выбор нового имени определяется позицией говорящего (субъекта номинации) относительно объектов номинации. Референты имён *Arbeitslosigkeit* и *psychisch krank sein* совсем не обязательно должны быть связаны у говорящего с отрицательной оценкой номинируемых явлений. При нейтральной позиции говорящего антецеденты эвфемизмов перестают быть стигматичными, а ЛЕ (в данном случае *Arbeitslosigkeit* и *psychisch krank sein*) употребляются как стилистически нейтральные.

Эвфемистическая замена в обоих случаях будет осуществляться только в том случае, если пресуппозиция содержит оценку номинируемых явлений как нежелательных, болезненных, а коммуникативное намерение включает наряду с другими интенциональными единицами желание говорящего представить ситуацию в лучшем виде и избежать конфликтности. ЛЕ *Beschäftigungskrise* и *Psychiatrieerfahrung haben* полностью удовлетворяют этим условиям. Первая, переводя фокус внимания на такие признаки в образе референта, как «кризис» и «сфера занятости», дефокусирует признак «отсутствие работы» и ассоциируемые с ним «бедность», «отсутствие возможностей», «социальная маргинальность» и др. Второе выражение фокусирует реципиента на признаке «наличие опыта в психиатрии», который сам по себе является нейтральным с точки зрения оценки в обществе, и выводит из структуры образа признак «больной», который сам по себе относится в немецком социуме к темам, не желательным для обсуждения, а в сочетании с «психический» – темам ранящим и очень болезненным.

Особенностью процесса эвфемизации является его неявная, сокрытая интенциональность, особенно в институциональных типах дискурса – политическом, экономическом, педагогическом, медицинском и прочих (исключения составляют эвфемизмы в бытийном дискурсе, относящиеся к наименованиям физиологических процессов, предметов, связанных с ними, и пр.). Это определяет манипулятивный потенциал эвфемизмов, их способность быть «невинным» инструментом влияния на оценку реципиентом окружающего мира. Главная речевая стратегия явления эвфемии состоит в уклонении от действительности.

2.2.2. Механизмы фокусирования и перспективизации в иронии [Focusing and perspectivization in the irony]

В настоящем исследовании ирония понимается узко – как ироническое выражение (слово, словосочетание), которое употребляется в тексте в смысле, противоположном буквальному.³ То есть речь идёт о прототипической иронии – о высказываниях,

³ О широком понимании термина «ирония» см. [Солодилова 2019, 2023].

пропозициональная структура которых содержит положительную оценку, выражаемую на семантическом уровне оценочными предикатами (*Хорош герой! Ну ты молодец! Ну и красавица!* и т. п.), а глубинная (смысловая) структура – отрицательную.

В отличие от эфемистических выражений иронические с трудом поддаются описанию их значения. Суть иронии на языковом уровне описывается как противопоставление буквального значения выражения (слова, словосочетания) его смыслу в высказывании и шире – в тексте. Именно поэтому ирония всегда рассматривается в категориях понимания и, соответственно, смысла. Иронические выражения вне коммуникативного контекста утрачивают свою ироничность, возвращаясь в статус ЛЕ, бытующих на системно-языковом уровне.

(7) „*Der Balkon ist wunderbar hoch*“, sagte er <...>, „*und unten ist bildschöner Beton*.“ ('Der Klavierstimmer, S. 133) – '«Балкон чудесно высок», – сказал он, <...>, а внизу – великолепный бетон'.

ЛЕ *wunderbar* 'чудесно' (общеоценочный экспрессивный предикат) и *bildschön* 'великолепный, прекрасный' (частнооценочный предикат – эстетическая экспрессивная оценка) вне контекста коммуникативной ситуации обозначают оценочные (высоко положительные) характеристики. Употребляемые в высказывании – в словах героя, намекающего на возможность сброситься с балкона и тем самым свести счёты с жизнью, – они реализуют противоположную оценочность (отрицательную) и ироническое отношение говорящего. Иронический смысл рождается на основе столкновения двух смыслов – буквального и контекстуального, т. е. на основе их некогерентности, которая задаётся авторским замыслом / интенцией говорящего.

Ироническая оценка имеет косвенный способ выражения, но (!) она должна быть понята, иначе коммуникативное намерение не достигает цели. В этом «скрытость» как прагматическая характеристика в эфемистической оценке отличается от таковой в иронической. В первой интенция говорящего (за исключением бытовых эфемизмов и слов-табу) должна (в идеале) оставаться неразгаданной, поскольку именно в этом случае она достигает своей цели – сформировать совершенно иной (положительный) образ референта без актуализации его прежних характеристик. Интенция иронии – квази-тайная: косвенный способ выражения отрицательного отношения позволяет говорящему «уйти от ответственности», снизить степень критики, но не мешает донести до слушающего свою отрицательную оценку и критическое отношение, которые и составляют суть коммуникативного намерения. При этом присущая иронии комичность позволяет говорящему выразить своё эмоциональное отношение и усилить тем самым коммуникативно-прагматический эффект.

(8) *The American Way of Life. Wie sie herumstehen, ihre linke Hand in der Hosentasche, ihre Schulter an die Wand gelehnt, ihr Glas in der andern Hand, ungezwungen, die Schutzherren der Menschheit, ihr Schulterklopfen, ihr Optimismus, bis sie besoffen sind, dann Heulkampf, Ausverkauf der weißen Rasse, ihr Vakuum zwischen den Lenden.* (Homo faber, S. 176). 'Американский образ жизни. Как они стоят, засунув левую руку в карман брюк, прислонив плечи к стене, со стаканом в другой руке, непринужденно, покровители мира, их похлопывание по плечу, их оптимизм до тех пор, пока не напьются, и тогда рыдания, распродажа белой расы, их вакуум ляжками.'

В примере (8) – отрывке из известного романа М. Фриша «Хомо Фабер» – содержатся рассуждения главного героя романа об американцах, поведение которых он наблюдает во время путешествия на теплоходе. Его отношение к тем, с кем он уже давно живёт на одном континенте, сугубо отрицательное. При этом речь идёт не о рациональ-

ной оценке. Основой оценочного отношения героя является эмоция презрения, которая определяет перспективу его мировидения, в частности восприятия американцев. Все это координирует его речевую деятельность, определяя выбор языковых средств.

Семантическим ядром высказывания является выражение *die Schutzherren der Menschheit* 'покровители мира', которое интерпретируется как ироническое уже в контексте данного отрывка. Значение существительного *Schutzherr* 'покровитель' является стилистически нейтральным и описывается в словаре Дуден как «человек (мужчина), обладающий властью и оказывающий покровительство зависящим от него» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Schutzherr>]. Тем не менее, представление, рождаемое им, связано в целом с положительными коннотациями (тот, кто покровительствует, оценивается положительно). В образе референта этого имени есть также признак, описывающий внешнее поведение объекта номинации – «важность», который актуализируется контекстом высказывания, приобретая гиперболитичность и получая оценочный знак «минус». Этот контекст создают языковые средства первой части предложения, которые описывают внешнее поведение американских пассажиров на теплоходе и актуализируют семантику расслабленности и позёрства. Выражение *die Schutzherren der Menschheit* 'покровители мира' лаконично завершает это описание, на основе которого у слушающего возникает образ знающих себе цену, уверенных в себе людей. Этот образ идёт вразрез с последующим описанием, языковые средства в котором актуализируют совершенно противоположные признаки: «пьяный», «истерично рыдающий», «полное отсутствие мужского начала». Метафора *Ausverkauf der weißen Rasse* 'распродажа белой расы' характеризует состояние американцев (в перспективе говорящего), как суматошное исчезновение из-за малой ценности. Мы видим, что в противоречие вступают семантические признаки «важность», «сила», содержащиеся в образе референта имени *Schutzherren*, и «низкая ценность», «немужское поведение», содержащиеся в семантике других языковых средств, что приводит в итоге к созданию комичного образа позёра. Отношение говорящего однозначно определяется как эмоционально негативное, пренебрежительное, а его речевое поведение – как язвительно высмеивающее.

Таким образом, в случае иронической номинации следует говорить о главенстве когнитивного механизма перспективизации – координации языковой деятельности говорящего относительно коммуникативного партнёра и референтной ситуации. Перспектива говорящего заключается 1) в определении коммуникативной ситуации как подлежащей оценке; 2) в определении коммуникативного партнёра (или третьего лица – объекта критики) как находящегося в социальной иерархии на более низкой ступени; 3) в определении собственного коммуникативного статуса как неагрессивного.

Если механизм перспективизации определяет направление выбора языковых средств для реализации коммуникативного намерения, в случае иронии – о ц е н о ч н ы х языковых единиц п р о т и в о п о л о ж н о г о полюса оценки для обеспечения косвенного характера её выражения, то механизм фокусирования обеспечивает образование (нахождение в арсенале уже имеющихся) лексической единицы, отвечающей коммуникативному запросу, с помощью выделения коммуникативно значимого признака предмета иронии.

(9) „Was für **eine Ehre**, mit dir unseren fünfunddreißigjährigen Hochzeitstag zu feiern!“ (Hannah; S. 23). 'Что за честь, праздновать с тобой тридцатипятилетие нашей свадьбы!'

В отсутствии контекста данное высказывание сложно эксплицировать как ироническое, а употребление ЛЕ *Ehre* 'честь' – как ироническую номинацию. Это обеспечивает только семантика коммуникативной ситуации: говорящий – супруга коммуникативного партнёра – выражает свою оценку сделанному им предложению отметить тридцать пять лет совместной жизни, которые, по её мнению, были наполнены невниманием, отсут-

ствием интереса к ней и её желаниям. Для выражения отрицательного отношения к предмету речи говорящий выбирает ироничный модус: ЛЕ *Ehre* имеет в структуре своего значения такие семантические признаки, как «знак уважения», «проявление признательности» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Ehre>], являющиеся антонимичными тем, которые находятся в фокусе внимания говорящего.

Всё это показывает, что в случае иронической номинации фокусирование, имеет более сложную структуру. В перспективе «от говорящего»: на уровне интерпретации некоторого события происходит выделение отрицательного, с точки зрения говорящего, признака, для обозначения которого он выбирает языковое средство, актуализирующее антонимичный признак, не имеющий места в реальной ситуации. В перспективе «от слушающего»: воспринимаемая ЛЕ актуализирует в сознании (выводит в фокус) некий признак, который слушающий пытается найти в объекте номинации, но не находит (в силу его физического отсутствия или несоответствия коммуникативной ситуации). Это обстоятельство запускает процесс поиска смысла, процесс смыслообразования, который завершается выделением в объекте номинации признака, подразумеваемого говорящим.

Признак в фокусе иронической номинации всегда оценочный, т. к. сущность иронии – «оценка людей, событий и ситуаций с точки зрения их соответствия принятой в обществе системе ценностей и норм» [Антропологическая лингвистика, 2003, с. 173].

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ эвфемистических и иронических единиц в аспекте функционирования механизмов фокусирования и перспективизации при их образовании позволяет сделать следующие выводы. Механизм фокусирования представлен в процессах эвфемизации перефокусированием и дефокусированием как своими вариантами. Эти механизмы составляют основу процесса эвфемизации, демонстрируя его суть на концептуальном уровне как процесса (пере)конструирования некоторого фрагмента реального мира: «человек в своём сознании как бы заново интегрирует объект, но <...>не на перцептивном, а на концептуальном уровне» [Ирисханова, 2014, с. 80].

Механизм перспективизации запускается в процессе создания эвфемизмов значимостью для наблюдателя, в качестве которого может выступать как социум в целом, так и отдельная языковая личность. Функция наблюдателя в процессах эвфемизации определяется несколькими факторами (формулируемыми здесь обобщённо): 1) «точкой обзора» – позицией относительно оценки тех или иных явлений действительности, которая определяет, какие из них подлежат переименованию при наличии 2) коммуникативного намерения представить мир в его «лучшей версии» с 3) целью повлиять на успех коммуникации.

Скрытый характер прагматических факторов, мотивирующих эвфемистическую номинацию, обуславливает выдвижение в ней на первый план идентифицирующего⁴ фокуса – признака объекта номинации, присущего ему в физическом мире и не получающего оценки на системно-языковом уровне. Иными словами, эвфемистическая единица при её рассмотрении вне дискурса употребления не относится к оценочным. Дискурсивный уровень семантики выражения, его анализ, позволяет эксплицировать действие прагматических факторов, а именно оценочной деятельности говорящего, которая и обуславливает эвфемистическую замену как на уровне создания, так и выбора ЛЕ. Эвфемизм всегда связан с оценкой, даже если не содержит оценочных сем в своей семантической структуре. Он получает её в дискурсивном окружении, «элиминируя» отрицательный знак антецедента.

⁴Понятия идентифицирующего и характеризующего фокуса восходят к концепции Н. Д. Арутюновой о разграничении идентифицирующей номинации (референциальное употребление имени) и номинации, выполняющей предикативную функцию [Арутюнова, 1977 а, 1999, с. 348–253].

Таким образом, в случае эвфемистической номинации следует говорить о наличии двух фокусов – и д е н т и ф и ц и р у ю щ е г о как лежащего на поверхности, явного и х а р а к т е р и з у ю щ е г о как скрытого, имплицитного. Иными словами, в эвфемистической номинации признак объекта, составляющий основу номинации (находящийся в фокусе номинирующего субъекта) эксплицирован прямо, явно, тогда как выявление оценочной составляющей, запускающей процесс эвфемизации, связано с экспликацией дискурсивных, в частности социокультурных, факторов.

Ироническая номинация оценочна на языковом (речевом) уровне. Несмотря на косвенный способ выражения, оценка эксплицируется контекстом высказывания или контекстом коммуникативной ситуации. В иронической номинации фокус образа референта является только характеризующим: ироническое выражение (слово или словосочетание) на глубинном семантическом уровне относится к средствам предикации, даже если употребляется в функции субъекта действия (ср.: *О! Наши трудяга пришёл!* (О человеке ленивом, опаздывающем и т. п.)). Это тот случай, когда в лингвистике говорят о предикатных номинациях (см. [Арутюнова, 1977 а, с. 201–203 ; Арутюнова, 1977 б, с. 341 ; Киоссе, 2015, с. 60]).

В отличие от эвфемистической номинации, в которой признак образа референта имени соответствует признаку объекта номинации, присущему ему в реальности, признак образа референта имени в иронии не соответствует. Он противоположен признаку объекта номинации, находящемуся в фокусе внимания номинирующего субъекта. Этот признак есть результат исключительно оценочной деятельности говорящего, запускаемой механизмом перспективизации как координации его взаимодействия с референтной ситуацией. Это объясняет то обстоятельство, что в иронической номинации признак объекта подлежит поиску, ибо фокусирование как механизм номинации является двойственным: за одним – ложным – фокусом скрывается другой – истинный.

В целом, исследование показало, что конфигурация механизмов фокусирования и перспективизации в процессах не прямой номинации может быть разной, как и наличие и взаимодействие идентифицирующего и характеризующего фокусов номинации. Конфигурация названных механизмов определяет, как нам представляется в настоящий момент, своеобразие иронических эвфемизмов – относительно молодого и актуального сегодня средства коммуникации. Понимание сути и функционального своеобразие этого сложного для лингвистического описания языкового явления (сочетания эвфемии и иронии в одном языке знаке) возможно именно на основе описанных в статье механизмов фокусирования и перспективизации.

Источники материала [Sources for the material]

- Frisch, 1977 – Frisch M. Homo faber. Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verlag, 1977. 203 S.
 Mueller-Stahl, 2006 – Mueller-Stahl A. Hannah. 2. Auflage. Berlin : Taschentuchverlag GmbH, 2006. 134 S.

Библиографический список

- Арутюнова, 1977 а – Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (общие вопросы) / под ред. Б. А. Серебренникова. М. : Наука, 1977. С. 188–206.
 Арутюнова, 1977 б – Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1977. С. 304–357.
 Апресян, 1995 – Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.
 Верхотурова, 2008 – Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2008. 290 с.
 Дейк, 1989 – Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.

- Ирисханова, 2010 – Ирисханова О. К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. . Вып. VII. Типы категорий в языке. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина. 2010. С. 78–93.
- Ирисханова, 2014 – Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Кибрик, 1992 – Кибрик А. А. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М. : Наука, 1992. 281 с.
- Киосе, 2015 – Киосе М. И. Техники и параметры непрямого наименования в тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2015. 434 с.
- Матурана, 2001 – Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Остин, 1986 – Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII : Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.
- Падучева, 1975 – Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М. : Наука, 1975. 183 с.
- Падучева, 2000 – Падучева Е. В. Наблюдатель как Эксперимент «За Кадром» // Слово в тексте и словаре : сб. ст. под ред. Л. Л. Иомдина, Л. П. Крысина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 185–201.
- Палагина, 2018 – Палагина О. И. Дейксис как средство реализации обратной перспективы на французском форуме // Известия ВГПУ. 2018. № 1 (278). С. 180–185.
- Солодилова, 2018 – Солодилова И. А., Соколова Т. Ю. Когнитивные механизмы формирования эвфемизмов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 178–182.
- Солодилова, 2019 – Солодилова И. А. Ирония в лингвокогнитивном аспекте изучения // Научные исследования русской словесности (к юбилею профессора С. А. Матяш) : сб. науч. тр. Оренбург : ОГУ, 2019. С. 113–118.
- Солодилова, 2023 – Солодилова И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 124–135.
- Deane, 1991 – Deane P. D. Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. 395 p.
- Fillmore, 1997 – Fillmore Ch. J. Lectures on deixis Stanford : CSLI, 1997. 145 p.
- Kuno, 1976 – Kuno S. Subject, Theme and the Speaker's empathy – a reexamination of relativization phenomena // Subject and Topic / Ed. by C. N. Li. New York : Academic Press. P. 417–444.
- Langacker, 1987 – Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. P. 516.
- Langacker, 1992 – Langacker R. W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1992. 395 p.
- Langacker, 2008 – Langacker R. W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford University Press, 2008. 562 p.
- Searle, 1971 – Searle J. R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay (Orig.: Speech Acts. 1969). Frankfurt a. M., 1971. 312 S.
- Silverstein, 1981 – Silverstein M. Case marking and the nature of language // Australian Journal of Linguistics, 1981. N 1. P. 227–244.
- Talmy, 1975 – Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences // Proc. of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. US, Berkeley, 1975. P. 419–430.

References

- Arutyunova, N. D. (1977 a). Nominatsiya, referentsiya, znatscheniye [Nomination, reference, meaning]. In B. A. Serebrennikov (Ed.), *Yazykovaya nominatsiya (obshchiye voprosy) [Language Nomination (General issues)]* (pp. 188–206). Moscow : Nauka Press. (In Russ).
- Arutyunova, N. D (1977 b). Nominatsiya i tekst [Nomination and text]. In B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimtseva (Ed.), *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy [Language nomination: Types of Names]* (pp. 304–357). Moscow. (In Russ).
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy v 2 t. T. II : Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected Works: In 2 volumes. Vol. 2 : Integral description of language and system lexicography]*. Moscow : Yazyki russkoy kultury Press. (In Russ.).

- Verkhoturova, T. L. (2008). *Faktor nablyudatelya v yazyke nauki [Observer factor in the language of science]*. Irkutsk : ISLU Press. (In Russ.).
- Dejk, T. A. van (1989). *Yazyk, poznaniye, kommunikatsiya [Language, cognition, communication]*. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2010). Defokusirovaniye i kategorizatsiya v kompleksnykh leksicheskikh yedinitсах [Defocusing and categorization in complex lexical items]. In N. N. Boldyrev (Ed.), *Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language]: A collection of papers* (pp. 78–93). Tambov : TSU Press. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language. Semantic, syntax and pragmatic of defocusing]*. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (1992). *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deysis [Human factor in the language: Communication, modality, deixis]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Kiose, M. I. (2015). *Tekhniki i parametry nepryamogo naimenovaniya v tekste [Techniques and parameters of the indirect nomination in text]*. Doctoral in Philological sci. diss. ; Institute of Linguistics RAS. Moscow. (In Russ.).
- Maturana, U., Varela, F. (2001). *Drevo poznaniya [The tree of human knowledge]*. Moscow : Progress-Tradiziya Press. (In Russ.).
- Ostin, Dz. L. (1986). Slovo kak deystviye [The word as an action]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVII : Teoriya rechevykh aktov [New to foreign linguistics. Vol. XVII: Speech act theory]* (pp. 22–129). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1975) *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu [The expression and its reference]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2000). Nablyudatel' kak Eksperiyent «Za KadroM» [The observer as an experiencer «Behind the Scenes»]. In L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds), *Slovo v tekste i slovare [The word in text and word in dictionary]* (pp. 185–201); Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Palagina, O. I. (2018). Deyksis kak sredstvo realizatsii obratnoy perspektivy na frantsuzskom forume [Deixis as a means of converse perspective on the French forum]. *Izvestniya VGPU [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 1* (278), 180–185. (In Russ.).
- Solodilova, I. A., Sokolova, T. Yu. (2018). Kognitivnyye mekhanizmy formirovaniya evfemizmov [Cognitive mechanisms for euphemisms' formation]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Ser. : Gumanitarnyye nauki [Modern Science: actual issues of theory & practice], 9*, 178–182. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2019). Ironiya v lingvokognitivnom aspekte izucheniya [Irony in linguistic and cognitive aspects of study]. In *Nauchnyye issledovaniya russkoy slovesnosti [Studies of the Russian literature]: A collection of papers* (pp. 113–118). Orenburg : OSU Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogerentnost' [Irony in political debate: Functional coherence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 9* (4), 124–135. (In Russ.).
- Deane, P. D. (1991). *Grammar in mind and brain. Explorations in cognitive syntax*. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter.
- Fillmore, Ch. (1997). *Lectures on deixis*. Stanford : CSLI
- Kuno, S. (1976). Subject, theme and the speaker's empathy – a reexamination of relativization phenomena. In C. N. Li (Ed.), *Subject and topic* (pp. 417–444). New York : Academic Press.
- Langacker, R. W. (1987). *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites*. Stanford : Stanford University Press.
- Langacker, R. W. (1992). *Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter.
- Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. Oxford University Press.
- Searle, J. R. (1971). *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay* (Orig.: Speech Acts. 1969). Frankfurt a. M.
- Silverstein, M. (1981). Case marking and the nature of language. *Australian Journal of Linguistics, 1*, 227–244.
- Talmy, L. (1975). Figure and Ground in Complex Sentences. *Proc. of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society* (pp. 419–430). US, Berkeley.